

*Посвящается всем чудовищам
моего детства – воображаемым
и реальным.*

И только меня, одинокого
и несчастного, называют чу-
довищем, гонят, бьют и топ-
чут. Еще и сейчас кровь моя
кипит при воспоминании о
перенесенных мною обидах.

*Мэри Шелли, «Франкенштейн,
или Современный Прометей»¹*

¹ Перевод З. Александровой
(Здесь и далее – прим. переводчика).

ЧУДОВИЩЕ

— 15 августа 2019 г. —

Ее запах в одно мгновение возвращает меня в прошлое.

В то прошлое, когда я еще не знала правды.

Этот запах пьянит. Он сладок и приятен, и в нем лишь едва чувствуется слабый привкус чего-то резкого и кислого. Так бывает, если лизнуть новенький пенни.

Разумеется, я чувствую и аромат виноградного йогурта, который она ела на полдник, и табачную вонь от сигарет, которые она курила тайком, и даже слабый запах вчерашнего водочного перегара (водку она таскает у отца, который прячет бутылку в лодочном сарае: я не раз видела, как они оба незаметно прокрадывались туда, чтобы сделать глоток-другой).

Это живой запах.

Живой и опасный.

А еще мне нравится ее походка. Можно подумать, у нее в пятках пружинки. Так и кажется — стоит ей оттолкнуться посильнее — и она улетит прямо на Луну.

Кстати, о Луне...

Никогда, никогда не смотрите на полную Луну слишком долго!

Вот только ко мне это не относится. Я не оборотень, я — другая.

Правда, однажды я пыталась стать оборотнем.

После того как мы с сестрой посмотрели фильм «Человек-волк», мы отыскиали в библиотеке книгу о вервольфах и прочли от корки до корки. Помимо всего прочего там было и заклинание, с помощью которого можно превратиться в волка.

«Нужно попробовать», — сказала сестра.

«Не нужно», — ответила я.

«Разве тебе не интересно узнать, каково это — превратиться в совершенно другое существо?» — спросила она, и вопрос был решен.

В полнолуние, ровно в полночь, мы пробрались в лес, прочитали заклинание, порезали большие пальцы, смешали кровь, выпили волшебный настой и зажгли свечу. Сестра была права — воображать, будто ты трансформируешься в нечто большее, чем раньше, оказалось очень интересно. Потом мы долго бегали по лесу голышом, выли по-волчьи и ели молодые ростки папоротника, представляя, будто это волчье лыко.

Тогда мы думали, что мы, возможно, действительно превратимся в оборотней — в настоящих вервольфов, а не как Лон Чейни-младший, которому для преобразования нужен был парик, резиновая пасть и наклеенные на лицо длинные волосы из хвоста яка (это тоже было в книге. Когда мы с сестрой прочли об этом, мы сказали друг другу: «Бедные яки!», а потом долго хихикали, представляя, как, должно быть, эти волосы воняли!). Но в ту ночь с нами ничего не произошло, и мы почувствовали себя разочарованными. У нас не отросли ни шерсть, ни клыки, и мы не впали в бешенство при виде полной Луны. Вернувшись домой такими же, как были, — обычными девчонками, мы натянули пижамы и легли в постели, предварительно поклявшись друг другу никогда и никому не рассказывать о нашей попытке.

— Попробуй догадайся, кто я, — говорю я сейчас этой девочке-подростку. Я не собиралась ничего говорить. Слова сами вырвались у меня изо рта, как вылетают из огня искры.

— Ну-у... — тянет она и глядит на меня странно. — Даже не знаю... Может, ты — призрак? Сверхъестественное существо, которое когда-то было человеком?

Она так и говорит — «человечком». Словно все люди — ничтожества, не стоящие никакого внимания. Звучит это немного обидно, хотя когда-то мне самой очень хотелось, чтобы меня никто не замечал.

Я переступаю с ноги на ногу, и моя маскарадная одежда бренчит и постукивает. Волосы растрепанного парика падают на глаза и лезут в рот. От них пахнет пылью.

Девочка мне нравится. Мне очень нравится все, что хранится в ее душе и чего у меня никогда не будет. Я *сама* никогда такой не буду.

Но больше всего мне нравится то, что будет дальше. Она изменится. Я *изменяю* ее, как изменила уже многих.

Спасу.

— Ну и когда ты исполнишь мое желание? — спрашивает она.

— Скоро. — Я улыбаюсь.

Да, я исполняю желания.

Мне подвластны чудеса.

Я действительно могу дать этой девочке то, чего она хочет больше всего на свете. Проблема лишь в том, что сама она пока не сознает своих желаний.

И мне не терпится показать ей первое чудо.

— Ты хочешь сыграть со мной в какую-то игру? — догадывается она.

— Да! — Я почти кричу. *Да-да-да!* Это мой любимый вопрос, мое излюбленное занятие. Я знаю много игр и умею хорошо в них играть.

— В какую же? В «Вопросы и команды»¹? — спрашивает она.

— Если хочешь. Только предупреждаю: я сразу пойму, если ты соврешь.

Она пожимает плечами, тербит мочку уха с тремя серебряными сережками и, прищурившись, смотрит на меня сквозь слой готического грима: хорошая девочка, которая изо всех сил старается казаться плохой.

— Нет. Давай лучше сыграем в салочки, — говорит она, и я удивлена. На мой взгляд, она уже слишком большая для салок, пятнашек, догонялок и тому подобных игр. — Чур, ты водишь. Если я успею добежать до нашего дома и ты меня не поймаешь — я выиграла.

И, хлопнув меня по руке ладонью, она срывается с места.

Я смеюсь. Просто не могу ничего с собой поделать. Это, конечно, нервы. А еще — удовольствие. Я уверена, что этой девчонке ни за что от меня не убежать. Ее ноги тонки, как спички, а легкие забиты никотином. У нее нет ни шанса.

Я сильна. Я быстра и вынослива. Много лет я готовила себя именно к таким моментам, и мои тренировки не пропали даром.

Я бегу, бегу, бегу... Я преследую эту красивую девочку в черном худи. Ее светлые волосы с ярко-красными кончиками развеваются на бегу, словно флаг страны, о которой никто никогда не слышал. Я уже знаю — у девчонки огромный потенциал, но сама она об этом пока не подозревает. Она мчится со всех ног и порой даже

¹ «Вопросы и команды» — игра для двух и более игроков. Особенно популярна среди детей и подростков. Игроку, до которого дошел ход, дается выбор: правдиво ответить на вопрос, который ему будет задан, или выполнить какое-нибудь задание.

взвизгивает от страха и восторга. Она уверена, что успеет добежать до своего дома, ярко освещенные окна которого уже показались между стволами деревьев. Где-то за домом мерно гудит бензиновый генератор — в этой части острова не протянуты линии электропередачи. Девочка думает, что дома, с родителями (которых она ненавидит), она будет в безопасности. Ей еще хочется оказаться в своей теплой постели с фланелевыми простынями, обнять своего старого пса, который начинает ворчать каждый раз, когда чувствует мой запах, — он отлично знает, кто я такая, но этого не будет.

Не будет.

Я быстрее. Мои волосы, в которые вплетены травы и сухие водоросли, развеваются на бегу. Мое одеяние сделано из сухих веток, старых костей, рыбацких сетей, поплавок и стеблей рогоза. Оно постукивает и побрякивает, словно «ветровые колокольчики». От меня пахнет озером и тиной, гнилью и сыростью.

Я легко могу догнать девчонку, даже не особенно напрягаясь. Но я не тороплюсь. Пусть еще немного потешит себя иллюзией, будто она может вернуться к прежней жизни. Ее силуэт мелькает впереди между деревьями, он летит, плывет в воздухе.

И на несколько мгновений я снова чувствую себя ребенком. Мне кажется, что я опять преследую свою сестру, притворяясь, будто я — очередной киношный монстр: Человек-волк, Дракула, Призрак гребаной Оперы и так далее. Вот только догнать ее мне ни разу не удалось.

Но эту девочку я догоню.

И притворяться мне больше не нужно. Теперь я — настоящий монстр.

Я поймаю девчонку, потому что ни разу не сумела поймать сестру.

Сорок лет прошло с тех пор, а я все еще гоняюсь за ней.

Ви

— 8 мая 1978 г. —

В этом доме обязательно должны водиться привидения, думала Ви, мчась через лужайку к Приюту. Иначе просто не может быть! Стоит только прищуриться как следует, и увидишь перед собой старинную усадьбу или замок вроде того, какой был в том черно-белом фильме про Дракулу. И не имеет значения, что Приют выстроен не из замшелых каменных глыб, а из тускло-желтого кирпича, и здесь нет ни крепостных башен, ни подъемного моста, а из старой колокольни не вырываются по ночам сонмища летучих мышей. Призракам все это не нужно. Они могут жить и здесь, в этом довольно большом прямоугольном доме под старой шиферной крышей, с прочными окнами со ставнями, которые никто никогда не закрывал.

Ви вступила в отбрасываемую зданием тень и почувствовала себя так, словно Приют обнимает ее прохладными руками за плечи, приветствуя старую знакомую. Над парадной дверью была укреплена на стене деревянная вывеска, вырезанная давным-давно одним из прежних пациентов. На вывеске было только одно слово — «Надежда», и Ви вполголоса пробормотала себе под нос слово «spes», которое означало то же самое на латыни. Это был ее секретный пароль, который позволял войти в замок чудовища.

В руках Ви крепко держала тарелку — не легкую пластиковую или бумажную тарелку, а глубокую, фарфоровую, взятую из кухонного буфета. Бортик тарелки украшал узор из цветков подсолнечника, который прекрасно подходил к кухонным занавескам и скатерти. На тарелке лежал сэндвич с ливерной колбасой на ржаном хлебе. Это был ланч, который она приготовила сама и теперь несла бабушке. Ви не любила ливерную колбасу, но бабушка ее просто обожала. На всякий случай Ви налила на колбасу побольше горчицы — ведь это была не просто горчица, а секретное снадобье против монстров. Оно должно было спасти бабушку от вампиров и вервольфов. К сэндвичу Ви добавила немного жареной картошки и маринованных огурчиков и накрыла все это прозрачной пленкой, чтобы ланч не заветрился. Бабушка будет довольна — в этом она не сомневалась. Возможно, она даже скажет несколько слов о том, какая внимательная и заботливая у нее внучка.

Держа тарелку в одной руке, Ви толкнула дверь и вошла в приемную, которую в Приюте называли Общим залом. Выложенный плитками пол зала был укрыт ковром, в углу виднелся камин и стояли два удобных кресла. Общий зал был в здании центральным помещением: влево и вправо от него отходили два коридора, а прямо находилась ведущая на второй этаж лестница. По правому коридору располагались кабинеты и комнаты персонала. Дверь в самом конце вела в Дубовый зал, где проходили встречи и рабочие совещания. По левому коридору находились Оживленный зал, где проводились мероприятия и постоянно работал телевизор, Тихий зал, где можно было почитать книгу или заняться творчеством, Обеденный зал и кухня. Многие пациенты по очереди работали в кухне — чистили картошку, мыли посуду, а в обед разносили блюда в столовой.

На втором этаже располагались двадцать одноместных комнат — «номера», как их называли бабушка и другие сотрудники Приюта. В комнатах жили пациенты. Между Восточным и Западным крылом находились стринский пост и комната дежурного санитаря.

Дверь слева от главной лестницы вела в подвал. Там Ви еще никогда не бывала, но знала, что в подвале расположены бойлерная, кладовые и другие технические и подсобные помещения. Как сказала бабушка, ни для чего другого эти комнаты все равно не годились.

На левой стене Общего зала висела фотография, на которой были запечатлены все сотрудники Приюта, выстроившиеся перед крыльцом старого желтого здания. В самом центре стояла бабушка — миниатюрная женщина в голубом брючном костюме. И в Приюте она действительно была центром всего — солнцем, вокруг которого обращаются планеты и луны.

Окошко между Общим залом и канцелярией приоткрылось.

— Добрый день, мисс Эвелин, — как можно приветливее проговорила Ви, и ее голос, отразившись от стен, зазвенел серебряным колокольчиком. Дети в Приют не допускались; Ви и ее младший брат Эрик были единственным исключением, да и то лишь в тех редких случаях, когда им удавалось обмануть бдительность мисс Эв.

В Эвелин Букер было около шести футов, она носила кудрявый темно-рыжий парик, часто съезжающий набор, а телосложением напоминала полузащитника профессиональной футбольной команды. За глаза Ви и Эрик называли ее Семафоршей.

Сейчас Ви посмотрела на нее и невольно подумала, какое чудовище может скрываться за этим внушительным фасадом и подействует ли на него горчичное снадобье.

Мисс Эвелин в свою очередь рассматривала девочку сквозь свое окошко и хмурилась так сильно, что ее густо подведенные брови почти сошлись.

«Она — оборотень, — подумала Ви. — Самый настоящий оборотень!»

— Доктор Хилдрет сейчас занята, ее вызвали по срочному делу, — сообщила наконец мисс Эвелин, и из ее окошка вырвался целый клуб сизого сигаретного дыма.

— Я знаю, — Ви кивнула. Была суббота, один из бабушкиных выходных, но утром ей неожиданно позвонил доктор Хатчинс, и она провела на телефоне несколько минут, причем, судя по тону, бабушка пыталась его успокоить. Наконец она пообещала, что сейчас придет и разберется со всем сама.

— Просто она так спешила, что не успела ни позавтракать, ни приготовить себе что-нибудь на обед, вот я и решила принести ей ее любимый сэндвич. — Ви лучезарно улыбнулась мисс Эвелин. Бабушка много работала и нередко бывала так занята, что забывала поесть, а Ви это не особенно нравилось. Ей казалось, бабушка уделяет Приюту слишком много внимания и готова целыми днями существовать на остывшем кофе и сигаретах.

— Оставь его мне, я ей все передам, как только она освободится. — Мисс Эвелин окинула тарелку подозрительным взглядом, и Ви разочарованно вздохнула. Ей очень хотелось самой отдать бабушке сэндвич. Впрочем, она быстро справилась с собой и протянула тарелку в окошко.

Тем временем в зале появился Том с длинной гривой спутанных волос. Увидев Ви, он улыбнулся.

— Эй, Виола-Виолетта, как дела?

Ви его знала. Том был одним из тех, кого бабушка называла «постоянными клиентами». Сколько Ви себя помнила, Том то выписывался из Приюта, то вновь возвращался.